

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43>

БУСТЕРЫ КАК МЕТАДИСКУРСИВНОЕ СРЕДСТВО ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

О.А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет

(Иркутск, Россия)

olga_boginskaya@mail.ru

Аннотация: Современные исследования открывают новые грани судебного дискурса, обращаясь к особенностям его продуцирования и находясь в поисках новых аналитических инструментов. Несмотря на теоретическую и практическую значимость и многоаспектность данных работ, в них крайне редко применяется метадискурсивный инструментарий, который имеет значительный потенциал в изучении дискурсивных практик, все чаще характеризующихся не только как информационная среда, но и как пространство взаимодействия и воздействия. Интерактивная и персуазивная природа судебного дискурса обуславливает потребность привлечения метадискурса как эффективного аналитического инструмента, охватывающего средства выражения отношения к пропозициональному содержанию и вовлечения адресата в диалог с говорящим. В настоящей статье рассматривается метадискурсивный аспект защитительной речи как жанра судебного дискурса. Исследование проводится с использованием количественного анализа данных корпуса текстов и их интерпретации на основе контекста. Новизна исследования состоит в применении метадискурсивного инструментария в лингвопрагматическом анализе русскоязычного судебного дискурса. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить языковые особенности персуазивного аспекта защитительной речи как жанра судебного дискурса с опорой на такое метадискурсивное средство, как бустинг. В ходе исследования были установлены пять разновидностей бустеров – маркеры уверенности, маркеры эвиденциальности, маркеры интенсивности, маркеры солидарности и маркеры превосходства, реализующие пять прагматических функций: демонстрация уверенности говорящего в истинности пропозиции, указание на достоверность и надежность источника информации, увеличение эмоциональной силы высказывания, обозначение верхней границы континуума и указание на общеизвестные факты или совместный опыт переживания явления или ситуации. Автором было установлено, что на лексическом уровне бустинг преимущественно реализуется с помощью эвиденциальных глаголов и существительных, наречий меры, степени и времени и прилагательных в превосходной степени. Частотными также оказались и местоимения первого лица множественного лица. Представляется, что правильное использование бустеров в судебном дискурсе является показателем прагматической компетентности юриста и залогом эффективной коммуникации с адресатом.

Ключевые слова: судебный дискурс, защитительная речь, бустер, персуазивность, метадискурс.

Для цитирования: Богинская, О.А. (2024). Бустеры как метадискурсивное средство персуазивности в защитительной речи. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 6(1), 26–43. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43>

1. ВВЕДЕНИЕ

«Судебный дискурс относится не только к древнейшим родам речей, но и имеет многовековую традицию исследования» [Шатин, Силантьев, 2020, с. 402], предоставляет исследователям уникальные возможности для дискурсивного анализа, будучи продуктом речевой деятельности, концентрирующим целый набор прагматических стратегий и тактик и лексико-грамматических средств. Жанры судебного дискурса привлекают внимание большого количества отечественных и зарубежных лингвистов, в фокусе внимания которых оказываются различные аспекты коммуникации в зале суда [Артёмова, 2013; Богинская, 2022; Волкова и др., 2023; Девяткина, 2006; Крапивкина, 2017; Кузнецова, 2006; Шатин, Силантьев, 2020; Aldridge, 2007; Boginskaya, 2022a, 2022b; Cotterill, 2003; Heffer, 2005; Kurzon, 2006; Rosulek, 2015 и др.]. В частности, на материале выступлений в судебных прениях В.В. Девяткина предприняла попытку определить стилевой состав защитительной речи и обнаружила его неоднородность и переходный характер: от официально-делового стиля до публицистического, достигающего уровня ораторского искусства [Девяткина, 2006]. В работе Е.А. Кузнецовой исследовалась ораторская маска, которую автор определила как средство маскировки судебного ратора, его перевоплощение [Кузнецова, 2005]. Автор описала разновидности ораторских масок и их роль в создании образа судебного оратора. На материале выступлений А.Ф. Кони Т.В. Артёмова подвергла анализу нарративные структуры в судебном дискурсе, предложив трёхуровневую модель организации обвинительной речи [Артёмова, 2013]. Л.Г. Кыркунова исследовала композиционную структуру обвинительных и защитительных речей, уточнив их обязательные компоненты [Кыркунова 2010]. И.В. Палашевская описала функции судебного дискурса, структуру, конститутивные признаки и исследовала нарративную природу и статусные характеристики участников судебного разбирательства [Палашевская, 2011]. В работе О.А. Крапивкиной судебные дискурсивные практики рассмотрены как процесс конструирования дуалистичных реальностей и указано, что дуалистичность обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных речей, задается относительно автономно, независимо от личностей участников судебного процесса [Крапивкина, 2018]. Ю.В. Шатин и И.В. Силантьев рассмотрели ключевые приемы аргументации в судебном дискурсе А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако и соотнесли их с аргументативной схемой Кембриджской школы. Интересен вывод авторов об интуитивном использовании российскими раторами приемов аргументации, которые составили основу неориторической теории [Шатин, Силантьев, 2020]. Иной подход был реализован в работе Я.А. Волковой, Н.Н. Панченко и Н.К. Пригариной, которые применили понятие «дискоммуникация» в анализе текстов судебных речей российских адвокатов XIX–XXI вв. и установили три причины неосуществления замысла адресанта: нарушения в целеполагании, несоблюдение правил аргументации и неудачная вербализацию замысла [Волкова и др., 2023].

Предметом исследования судебного дискурса зарубежными аналитиками являются прагматика судебных выступлений [Chaemsaitong, 2014; Gotti, 2014; Tracy & Hodge, 2018; Yang & Wang, 2021], жанровые характеристики [Cotterill, 2003; Rosulek, 2015; Heffer, 2005], трудности перевода [Cao, 2013; Hu & Cheng, 2016], вопросы юридической семиотики [Cheng & King, 2008]. Так, исследовав материалы известного уголовного дела по обвинению О. Дж. Симпсона, Дж. Коттерилл определила судебную речь как дискурсивное отражение процесса (ре)конструирования события преступления и выявила языковые и дискурсивные особенности данного жанра [Cotterill, 2003]. Подробный анализ жанра судебной речи представлен в работе К. Хеффера, который разработал модель дискурсивного взаимодействия юристов и присяжных заседателей на основе двух модусов коммуникации – нарративного и парадигматического [Heffer, 2005]. К. Хеффер указал на гибридность судебных дискурсивных практик как результат стратегического напряжения: дискурсивные практики юриста и носителя обыденного сознания – продукты стратегического напряжения между парадигматическими потребностями профессионалов и нарративным мышлением обывателей. Иной подход обозначен в исследовании И. Е. Карранца, который описал метапрагматические индексы в жанре судебной речи и выделил пять их разновидностей, сигнализирующих, что дискурс протекает в определенном социальном поле: 1) перформативные акты, 2) оценки, 3) социокультурные практики, 4) контекстуальные условия, 5) стиль [Carranza, 2008, p. 169]. На материале судебных речей Л. Ф. Розулек выявила несколько разновидностей риторических стратегий, используемых юристами для создания противоположных версий события преступления. В основе данных разновидностей лежат механизмы фокусирования/дефокусирования, которые помогают говорящему акцентировать внимание на разных аспектах одной реальности [Rosulek, 2015].

Как показал краткий обзор предыдущих исследований, в фокусе внимания оказываются самые различные аспекты судебного дискурса. Современные исследования открывают его новые грани, обращаясь к особенностям продуцирования и функционирования и находясь в поисках новых аналитических инструментов. Несмотря на теоретическую и практическую значимость и многоаспектность данных исследований, в них крайне редко применяется метадискурсивный инструментарий, который имеет значительный потенциал в изучении дискурсивных практик, все чаще характеризуемых не только как информационная среда, но и как пространство взаимодействия и воздействия. Интерактивная и персуазивная природа судебного дискурса обуславливает потребность привлечения метадискурса как эффективного аналитического инструмента, охватывающего средства выражения отношения к пропозициональному содержанию и вовлечения адресата в диалог с говорящим.

В исследованиях последних десяти лет метадискурс зарекомендовал себя как эффективный исследовательский инструмент, широко применяемый при изучении различных типов дискурсивных практик. Однако большинство метадискурсивных исследований было выполнено на материале научного дискурса [см. Takimoto, 2015; Zou & Hyland, 2019 и т.д.]. Жанр судебной речи никогда не был объектом метадискурсивного анализа, хотя метадискурс имеет огромное значение в достижении его главной коммуникативной цели – убедить суд в невинности подсудимого.

Для устранения указанного выше пробела в исследовании коммуникации в зале суда в настоящей работе ставится цель определить языковые особенности персуазивного аспекта защитительной речи как жанра судебного дискурса с опорой на такое метадискурсивное средство, как бустинг. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- 1) выявить разновидности бустеров как метадискурсивных маркеров увеличения персуазивной силы высказывания и определить их частотность;
- 2) описать прагматические функции бустеров в корпусе защитительных речей;
- 3) выявить средства языковой реализации разных групп бустеров и составить список наиболее частотных лексических единиц актуализации бустинга.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определим метадискурс как коммуникативную категорию, включающую эксплицитный набор языковых средств, актуализирующих отношение говорящего к пропозициональному содержанию и помогающих ему вовлечь адресата в диалог.

К. Хайленд выделил пять разновидностей метадискурсивных средств в зависимости от прагматической функции, реализуемой в дискурсе: хеджи, бустеры, экспликаторы аффективного состояния, маркеры самореференции и маркеры взаимодействия [Hyland, 2005]. Так, хеджи служат для смягчения иллокутивной силы или категоричности высказывания (*вряд ли*), а бустеры, напротив, эксплицируют уверенность говорящего, исключая любые спекуляции (*конечно же*). Экспликаторы аффективного состояния (*важный, интересный, эффективный*) вербализуют эмоциональные паттерны поведения и оценку пропозиционального содержания с точки зрения его важности, значимости, сложности и т.д. Маркеры самореференции указывают на присутствие говорящего в дискурсе, обозначают его ответственность за продуцируемые высказывания (*я, мы, мне, нам, мой, наши*). И, наконец, маркеры взаимодействия (*давайте, вы, вам*) помогают говорящему вовлечь адресата в диалог, подчеркнув его статус полноправного коммуникативного партнера.

Поскольку в фокусе внимания настоящего исследования находятся бустеры, остановимся более подробно на данных метадискурсивных средствах. Отметим, что в российской научной литературе прагматические функции бустинга преимущественно рассматриваются в рамках категории категоричности, которая включает «лингвистические и нелингвистические характеристики, позволяющие определить степень уверенности говорящего в описываемом положении дел или его оценке, а также позволяющие судить о степени безапелляционности передаваемой говорящим информации» [Мальшкин, Никитин, 2014, с. 109]. Категория категоричности исследуется целым рядом российских лингвистов (Г.И. Гущиной, Н.Н. Панченко, Я.А. Волковой и др.). Г.И. Гущина, например, описала способы и специфику реализации категории категоричности в русском и английском языках [Гущина, 2008]. Н.Н. Панченко и Я.А. Волкова выявили связь категории категоричности с такими категориями, как авторитетность и уверенность, и доказали, что русскоязычному академическому дискурсу присущ высокий уровень категоричности, что обуславливает его конфликтогенность [Panchenko & Volkova, 2021]. В несколько иной перспективе рассмотрела данную категорию Е.Ю. Викторова. Используя терминологию К. Хайленда, автор исследует бустеры в рамках вспомогательной системы дискурса, включающей дискурсивные единицы (дис-

курсивы), помогающие адресату адекватно воспринимать и интерпретировать высказывание. Она отмечает, что бустеры играют чрезвычайно важную роль, помогая говорящему выделить главное в речи, расставить акценты, выразить уверенность, усилить категоричность высказывания [Викторова, 2022].

В модели К. Хайленда бустинг рассматривается как метадискурсивная стратегия, способствующая увеличению иллюкутивной силы высказывания, усилению его персуазивности, под которой понимается оценка пропозиционального содержания с точки зрения достоверности/недостоверности, формируемая под воздействием на сознание адресата. Отсюда персуазивным может быть любое речевое действие, направленное на то, чтобы сформировать у адресата внутреннее убеждение в достоверности излагаемой информации и побудить к совершению или несвершению им определенных действий с помощью различных риторических средств, включая метадискурсивные ресурсы.

Методологическим субстратом настоящего исследования послужила модифицированная модель бустинга, предложенная К. Хайлендом и Х. Зоу [Hyland & Zou, 2021]. В таблице 1 представлена типология бустеров, предложенная этими исследователями и дополненная автором настоящей статьи. К данной классификации были добавлены маркеры солидарности и маркеры эвиденциальности, которые, как представляется, также увеличивают иллюкутивную силу персуазивного высказывания.

Таблица 1. Типология бустеров

Тип	Функция	Лексическая реализация
Маркеры уверенности	демонстрируют убежденность автора	<i>уверен, конечно, несомненно</i>
Маркеры эвиденциальности	указывают на источник сведений	<i>показывать, демонстрировать</i>
Маркеры превосходства	указывают на верхнюю границу континуума	<i>наилучший, наиважнейший</i>
Маркеры интенсивности	увеличивают эмоциональную силу высказывания	<i>крайне, очень, всегда</i>
Маркеры солидарности	указывают на общеизвестные факты, совместный опыт переживания тех или иных явлений	<i>общеизвестно, как правило</i>

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили 38 защитительных речей российских адвокатов, размещенные в свободном доступе в сети Интернет. Основным критерием отбора был временной период, к которому относятся защитительные речи, – последние два десятилетия, поскольку в фокусе находились сопоставимые по времени тексты.

Ниже приведены этапы анализа, представленного в настоящей статье.

(1) Отбор текстов защитительных речей и их экспортирование в файл формата Microsoft Word.

(2) Анализ текстов с целью выявления бустеров.

(3) Контекстуальный анализ обнаруженных бустеров с целью уточнения их прагматической функции.

(4) Распределение бустеров по группам.

(5) Определение частотности разновидностей бустеров.

(6) Определение частотности лексических средств актуализации бустинга.

(7) Обобщение полученных результатов в виде таблиц.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Частотность использования бустеров, выявленных в корпусе текстов защитительных речей, представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Частотность групп бустеров

Тип	Частотность
Маркеры интенсивности	224
Маркеры эвиденциальности	204
Маркеры превосходства	194
Маркеры уверенности	142
Маркеры солидарности	84
Всего	948

В ходе исследования были найдены все разновидности бустеров, включенные в модифицированную таксономию К. Хайленда и Х. Зоу. Как видно из таблицы, наиболее частотными оказались маркеры интенсивности, за которыми следуют маркеры эвиденциальности. Маркеры солидарности использовались защитниками значительно реже остальных групп. Их доля составила чуть более 9% (84 единицы).

Ниже рассмотрим примеры, которые иллюстрируют функционирование бустеров в контексте защитительной речи.

4.1. Маркеры интенсивности

Самыми частотными в исследуемом корпусе являются маркеры интенсивности, коммуникативная функция которых – интенсифицировать признак, оценку или количество относительно их нейтрального проявления. Оказывая эмоциональное воздействие на адресата, они также способствуют усилению персуазивности высказываний, предотвращая возможные сомнения в истинности пропозиции. Приведем примеры:

(1) *И вот сейчас, Ваша честь, я поставлю **очень** важный для настоящего дела вопрос.*

(2) *И это крайне важно, потому что **никакие** доказательства, собранные предварительным следствием до оценки их судом, не считаются достоверными.*

(3) *Здесь **всё** дефектно – и право, и факты.*

(4) *Исполнители по договорам возмездного оказания услуг **всегда** стремятся к тому, чтобы выполнить условия контракта с меньшими затратами.*

(5) *Потерпевший заявил в судебном процессе: **считаю неприличным** употребление в подзаголовке слова “вор”, поскольку таковым **никогда** судом не признавался.*

(6) *У защиты нет **никаких** оснований полагать, что эти деньги были криминальными.*

Эффект увеличения иллюкативной силы персуазивного высказывания достигается за счет наречий *очень, всегда, никогда* и местоимений *никакие, никаких, всё*. Данные маркеры используются для оценки объекта действительности и демонстрируют интенцию адвоката придать высказыванию статус категорического суждения, исключающего альтернативные предикаты. Говорящий не оставляет адресату пространство для иных интерпретаций излагаемых фактов.

Наиболее частотные маркеры интенсивности, обнаруженные в корпусе, представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Наиболее частотные маркеры интенсивности

Маркеры интенсивности	Частотность
очень	108
всегда	62
никакой	38
никогда	34

Лексический репертуар данной группы маркеров не является богатым. Как видно из таблицы, они представлены преимущественно наречиями и отрицательным местоимением *никакой*, которые интенсифицируют признак или оценку, усиливая тем самым персуазивный эффект высказываний.

4.2. Маркеры эвиденциальности

Вторыми по частотности в исследуемом корпусе оказались маркеры эвиденциальности. Использование данного типа бустеров указывает на интенцию защитника представить версию события преступления как основанную на надежных и достоверных источниках информации, а не на спекуляциях. Приведём пример:

(7) ***Это демонстрирует**, что подход к оценке обстоятельств дела, предлагаемый стороной защиты, основан исключительно на действующем в стране законодательстве.*

Эвиденциальный глагол продемонстрировать усиливает персуазивность высказывания о выбранном стороной защиты подходе к оценке обстоятельств дела.

(8) *Вот когда я увидел обвинительное заключение по этому делу, мне как опытному адвокату стало **ясно**, что доказательств в этом деле нет.*

(9) ***Совершенно очевидно**, что он не понимает содержания процитированного закона.*

В данных примерах в качестве маркеров эвиденциальности выступают наречия *ясно* и *очевидно*, которые позволяют говорящему исключить альтернативные интерпретации сложившейся ситуации. Они предполагают, что говорящий признает возможность существования иных точек зрения, но решил свести данное разнообразие к нулю. Использование данных маркеров указывает на то, что у говорящего есть все основания заявлять об отсутствии доказательств или о непонимании свидетелем смысла закона. Наречие *совершенно*, функционирующее как маркер интенсивности, еще больше усиливает персуазивность высказывания.

Помимо глаголов и наречий, функции увеличения иллюкутивной силы высказывания служат эвиденциальные существительные:

(10) *Однако подавляющее большинство всех этих показаний ... со всей **очевидностью** оправдывают их.*

(11) *Тем не менее, **факт** остаётся фактом.*

(12) *Их количество само по себе является **доказательством** того, что их деятельность являлась предпринимательской.*

(13) *Защита полагает – и для этого имеются веские **основания**, – что ход следствия во многом определялся родственниками погибшего.*

Указание на надежный источник информации способствует усилению персуазивности высказываний. В рамках судебного процесса таким источником часто служит законодательство, на которое ссылаются стороны для обоснования своей позиции.

(14) ***В соответствии** с пунктом 2 статьи 709 ГК РФ, эти издержки входят в цену, и мы, так сказать, имеем право на компенсацию.*

Наиболее частотные маркеры эвиденциальности, найденные в корпусе текстов защитительных речей, представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Наиболее частотные маркеры эвиденциальности

Маркеры эвиденциальности	Частотность
показывать	42
доказательство	38
факт	34
в соответствии	26
согласно	22
демонстрировать	20
очевидно	12
ясно	8

В отличие от маркеров интенсивности, выраженных преимущественно наречиями, данная группа бустеров представлена большим разнообразием лексико-грамматических категорий, среди которых доминируют существительные и глаголы. Также достаточно частотными оказались и производные предлоги.

4.3. Маркеры превосходства

Самой малочисленной группой бустеров оказались маркеры превосходства, обозначающие верхние границы признака или свойства. Приведем примеры из корпуса, в которых прилагательные в превосходной степени помогают адвокатам усилить персуазивность высказываний:

(15) *Подробнейшим* образом Краснихина объясняла оставление этих анализов, а анализы не нашли.

(16) *Постановление, прекращающее дело о «Мерседесах», - ярчайший* пример раболепия и лизоблюдства прокурорских чиновников, любыми путями отмывающих сановных вельмож от ими же признаваемых нарушений.

(17) *Наилучшим* аргументом за то, что адвокат просит Юсубову сказать в суде правду, служит последняя фраза, адресованная ей Лебедевым.

Указывая на верхнюю границу континуума, данные маркеры помогают адвокатам устранить сомнения в истинности пропозиции. Выполняя роль интенсификаторов, они содержат интенциональный компонент, усиливающий иллюкутивную силу персуазивного высказывания.

Наиболее частотные маркеры превосходства, обнаруженные в корпусе, представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Наиболее частотные маркеры превосходства

Маркеры превосходства	Частотность
наилучший	22
важнейший	14
ярчайший	10
главнейший	8
наибольший	6

Как показано в таблице, наиболее частотные маркеры превосходства относятся к лексико-грамматической категории прилагательных. Интересно, что в ходе анализа не было найдено ни одного наречия в превосходной степени, которое также способно усилить персуазивность высказывания путем указания на верхнюю границу признака.

4.4. Маркеры уверенности

Маркеры уверенности оказались четвертой по частотности группой бустеров, реализующих интенцию адвоката убедить адресата в достоверности излагаемых фактов путем экспликации уверенности в обоснованности версии защиты и лишения адресата интерпретационного пространства. Маркеры уверенности увеличивают силу пропозиции и делают связь между ней и полученными доказательствами более эффективной. Убедительная речь, как отмечает В. В. Мельник, «способствует формированию такой же внутренней убежденности у председательствующего судьи и присяжных заседателей» [Мельник, 2001].

Ниже приведены примеры, иллюстрирующие, как с помощью эпистемического наречия *безусловно* и краткого прилагательного *уверен* адвокаты пытаются опровергнуть точку зрения стороны обвинения и убедить суд в правильности позиции защиты:

(18) *Безусловно, отсутствие каких-либо корыстных целей расценивается как обстоятельства, смягчающие вину.*

(19) *Уверен, что это не останется без соответствующего продолжения.*

Также с целью придания высказываниям категоричного характера использовалось существительное *сомнение* в комбинации с отрицательным местоимением в роли маркера интенсивности.

(20) *Никаких сомнений нет: ни Ильюшенко, ни Гайданов, ни Куракозов статью Вадима Поэгли не читали.*

Наиболее частотные маркеры уверенности, найденные в корпусе текстов защитительных речей, представлены в Таблице 3. Данные таблицы позволяют увидеть, как интенция адвоката убедить адресата в достоверности излагаемых фактов реализуется лингвистически.

Таблица 3. Наиболее частотные маркеры уверенности

Маркеры уверенности	Частотность
конечно	34
несомненно	30
безусловно	18
уверен	12

Среди маркеров уверенности наиболее частотными являются эпистемические наречия *конечно* и *несомненно*.

4.5. Маркеры солидарности

Солидарность реализуется с помощью языковых средств выражения принадлежности говорящего и адресата к единой социальной группе или дискурсивному сообществу. Маркеры солидарности относятся к одним из наиболее эффективных риторических средств, способствующих увеличению иллюкутивной силы высказывания путем апелляции к общим знаниям, опыту и традициям. Приведем пример:

(21) *Вы же знаете, что в договоре есть пункт, описывающий предмет договора.*

Маркер солидарности помогает говорящему поместить адресата – судью – в рамки дисциплинарного знания, которое доступно всем членам юридического дискурсивного сообщества. Указание на членство в одном сообществе позволяет говорящему сблизиться с адресатом и достичь своей перлюкутивной цели.

Наиболее частотными средствами создания эффекта солидарности оказались личные местоимения первого лица множественного числа:

(22) *Не случайно в речи прокурора **мы** так и не услышали ни одного довода в обоснование правовой оценки деяния.*

(23) *А слову печатному, слову, звучащему с телеэкрана, **мы** так привыкли верить.*

Инклюзивное местоимение первого лица создаёт эффект включённости адресата в единое (для адресанта и адресата) коммуникативное пространство, указывает на общий опыт переживания ситуации. Кроме того, использование личных местоимений первого лица множественного числа создает эффект доверительного общения адвоката с аудиторией. Конструируя событие преступления, адвокат заявляет о своих намерениях таким образом, чтобы интенциональные горизонты говорящего и адресата слились в одной точке.

В Таблице 7 представлены наиболее частотные маркеры солидарности.

Таблица 7. Наиболее частотные маркеры солидарности

Маркеры солидарности	Частотность
мы / нам / нас / наш	38
известно	22
знаем	14
давайте	14

Как показал анализ лексических средств реализации солидарности, адвокаты наиболее часто используют с этой целью местоимения первого лица множественного числа, краткое прилагательное *известно*, эпистемический глагол *знать* в первом лице множественного числа и глагол в повелительном наклонении *давайте*, имеющими значение приглашения к совместному действию.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, ориентированность защитника на адресата – судью и/или присяжных заседателей – заставляет использовать различные метадискурсивные средства, включая бустеры, усиливающие персуазивность высказываний. Эффективность судебной речи, достижение перлокутивного эффекта во многом определяются правильным выбором метадискурсивных категорий и языковых средств их реализации.

В корпусе исследуемых текстов были найдены пять разновидностей бустинга – метадискурсивной категории, используемой для продуцирования персуазивных высказываний и поддержания эффективных отношений с адресатом: маркеры уверенности, маркеры эвиденциальности, маркеры интенсивности, маркеры превосходства и маркеры солидарности, реализующие пять прагматических функций: демонстрация уверенности говорящего в истинности пропозиции, указание на достоверность источника информации, увеличение эмоциональной силы высказывания, обозначение верхней границы континуума, указание на общеизвестные факты, совместный опыт переживания явления или ситуации. Было уста-

новлено, что наиболее часто с целью усиления персуазивности высказываний адвокаты использовали маркеры интенсивности и маркеры эвиденциальности. Частотность маркеров солидарности была значительно ниже остальных.

В ходе анализа было выявлено, что на лексическом уровне бустинг преимущественно реализуется с помощью эвиденциальных глаголов и существительных, наречий меры, степени и времени и прилагательных в превосходной степени. Частотными также оказались и местоимения первого лица множественного лица.

Представляется, что правильное использование бустеров в судебном дискурсе является показателем прагматической компетентности юриста и залогом эффективной коммуникации с адресатом. Результаты анализа частотности языковых средств реализации бустеров могут быть использованы начинающими адвокатами при построении защитительных речей.

В качестве перспективы исследования можно указать на необходимость сопоставительного анализа бустеров и других метадискурсивных средств в защитительной и обвинительной речи, а также в речах, произнесенных в суде с участием и без участия присяжных заседателей.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова Т. В. Нарратив как механизм реализации замысла оратора (на примере судебных речей А. Ф. Кони) // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 767.
2. Богинская О.А. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 76. С. 5–27. doi:10.17223/19986645/76/1
3. Викторова Е.Ю. Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 2 (38). С. 126–131. doi: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
4. Волкова Я. А., Панченко Н. Н., Пригарина Н. К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2023. Т. 22 (1). С. 138–150. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>
5. Гущина Г.И. Категория категоричности / некатегоричности высказывания в системе норм речевой коммуникации (на материале русских и английских диалогов) // *Вестник Башкирского университета*. 2008. № 13 (4). С. 982-985.
6. Девяткина В.В. Современная речь адвоката в системе функциональных стилей литературного русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Саратовская государственная академия права. Саратов, 2006.
7. Крапивкина О.А. О дуализме судебных дискурсивных практик // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. 2018. № 4. С. 90-98.

8. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных Телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 21-30. doi:10.17223/19986645/46/2
9. Кузнецова Е.А. Ораторская маска в судебной защитительной речи: на материале выступлений Ф. Н. Плевако: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
10. Кыркунова Л.Г. Судебная речь: методика работы над композицией // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 266-271.
11. Малышкин К.Ю., Никитина Л.Б. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 108-110.
12. Мельник В.В. Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Российское право. 2001. № 9. С. 139-144.
13. Палашевская И.В. Состязательный и персуазивный аспекты судебного разбирательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 137- 141.
14. Шатин Ю.В., Силантьев И.В. Российский судебный дискурс в свете теории аргументации // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 401-412. doi: 10.25205/2307-1737-2020-2-401-412
15. Aldridge M., Luchjenbroers J. Linguistic manipulations in legal discourse: Framing questions and “smuggling” information // International Journal of Speech, Language, and Law. 2007. Vol. 14 (1). P. 83–105.
16. Boginskaya O. Dissenting with conviction: Boosting in challenging the majority opinion // International Journal of Legal Discourse. 2022a. Vol. 7 (2). P. 257-279.
17. Boginskaya O. Popularizing in legal discourse: What efforts do Russian judges make to facilitate juror’s comprehension of law-related contents? // Discourse studies. 2022b. Vol. 24 (5). P. 1-15.
18. Cao D. Legal translation studies // C. Millan-Varela & F. Bartrina (Eds.). The Routledge handbook of translation studies. London and New York: Routledge, 2013. P. 113-129.
19. Carranza I. Metapragmatics in a courtroom genre // Pragmatics. 2008. Vol. 18 (2). P. 169-188. doi:10.1075/prag.18.2.01car
20. Chaemsaitong K. Interactive patterns of the opening statement in criminal trials: A historical perspective // Discourse Studies. 2014. Vol. 16 (3). P. 347–364.
21. Cheng L., King K.S. Terminological equivalence in legal translation: A semiotic approach // Semiotica. 2008. Vol. 172. P. 33–45.
22. Cotterill J. Language and power in court: A linguistic analysis of the O. J. Simpson trial. New York: Palgrave MacMillan, 2003.
23. Gotti M. Linguistic insights into legislative drafting // Theory and Practice of Legislation. 2014. Vol. 2 (2). P. 123-143. doi:10.5235/2050-8840.2.2.123
24. Heffer C. The language of jury trial. Houndmills, UK: Palgrave, 2005.
25. Hu P.C., Cheng L. A study of legal translation from the perspective of error analysis // International Journal of Legal Discourse. 2016. Vol. 1 (1). P. 235–252. doi:10.1515/ijld-2016-0007
26. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London: Continuum, 2005.
27. Hyland K., Zou H. “I believe the findings are fascinating”: Stance in three-minute theses // Journal of English for Academic Purposes. 2021. Vol. 50. P. 100973. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>

28. Kurzon D. Law and Language: Overview // Encyclopedia of language and linguistics. London, Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 728-731. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/04718-0>
29. Panchenko N.N., Volkova Ya.A. Categoricalness in scientific discourse // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14 (4). P. 535–543. <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0740>
30. Rosulek F.L. Dueling discourses: The construction of reality in closing arguments. New York: Oxford University Press, 2015.
31. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2015. Vol. 5 (1). P. 95–105. <http://dx.doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
32. Tracy K., Hodge D. Judge Discourse Moves that Enact and Endanger Procedural Justice // Discourse and Society. 2018. Vol. 29 (1). P. 63–85. <https://doi.org/10.1177/0957926517726112>
33. Yang M., Wang M. A science mapping of studies on courtroom discourse with CiteSpace // International Journal of Legal Discourse. 2021. Vol. 6 (2). P. 291-322. <https://doi.org/10.1515/ijld-2021-2057>
34. Zou H., Hyland K. Reworking research: Interactions in academic articles and blogs // Discourse Studies. 2019. Vol. 21 (6). P. 713-733.

REFERENCES

1. Aldridge, M., & Luchjenbroers, J. (2005). Linguistic manipulations in legal discourse: Framing questions and “smuggling” information. *International Journal of Speech, Language, and Law*, 14(1), 83–105.
2. Artemova, T.V. (2013). Narrativ kak mekhanizm realizacii zamysla oratora (na primere sudebnyh rechej A. F. Koni) [Narrative as a mechanism for realizing the speaker’s plan (using the example of court speeches by A.F. Koni)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*, 6, 767 (in Russian).
3. Boginskaya, O.A. (2022). Sostyazanie – igra – ritual: o trekh aspektakh kommunikativnogo vzaimodeistviya v zale suda [Competition – game ritual: three aspects of communicative interactions in the courtroom]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 76, 5–27 (in Russian). doi:10.17223/19986645/76/1
4. Boginskaya, O. (2022a). Dissenting with conviction: Boosting in challenging the majority opinion. *International Journal of Legal Discourse*, 7(2), 257-279.
5. Boginskaya, O. (2022b). Popularizing in legal discourse: What efforts do Russian judges make to facilitate juror’s comprehension of law-related contents? *Discourse studies*, 24(5), 1-15.
6. Cao, D. (2013). Legal translation studies. In C. Millan-Varela & F. Bartrina (Eds.). *The Routledge handbook of translation studies* (113-129), London and New York: Routledge.
7. Carranza, I. (2008). Metapragmatics in a courtroom genre. *Pragmatics*, 18(2), 169-188. doi:10.1075/prag.18.2.01car
8. Chaemsaitong, K. (2014). Interactive patterns of the opening statement in criminal trials: A historical perspective. *Discourse Studies*, 16(3), 347–364.
9. Cheng, L., & King, K.S. (2008). Terminological equivalence in legal translation: A semi-otic approach. *Semiotica*, 172, 33–45.
10. Cotterill, J. (2003). *Language and power in court: A linguistic analysis of the O. J. Simpson trial*. New York: Palgrave MacMillan.

11. Devyatkina, V.V. (2006). *Sovremennaya rech' advokata v sisteme funkcional'nykh stilej literaturnogo russkogo yazyka [Modern speech of a lawyer in the system of functional styles of the literary Russian language]* [Candidate's thesis, Saratov State Law Academy]. Saratov, Russia (in Russian).
12. Gotti, M. (2014). Linguistic insights into legislative drafting. *Theory and Practice of Legislation*, 2(2), 123-143. doi:10.5235/2050-8840.2.2.123
13. Gushchina, G.I. (2008). Kategoriya kategorichnosti / nekategorichnosti vyskazyvaniya v sisteme norm rechevoj kommunikacii (na materiale russkikh i anglijskikh dialogov) [The category of categorical / non-categorical statements in the system of norms of speech communication (on the material of Russian and English dialogues)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*, 13(4), 982-985 (in Russian).
14. Heffer, C. (2005). *The language of jury trial*. Houndmills, UK: Palgrave.
15. Hu, P.C., & Cheng L. (2016). A study of legal translation from the perspective of error analysis. *International Journal of Legal Discourse*, 1(1), 235-252. doi:10.1515/ijld-2016-0007
16. Hyland, K. (2005). *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Continuum.
17. Hyland, K., & Zou, H. (2021). "I believe the findings are fascinating": Stance in three-minute theses. *Journal of English for Academic Purposes*, 50, 100973. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>
18. Krapivkina, O.A. (2018). O dualizme sudebnykh diskursivnykh praktik [On the dualism of judicial discursive practices]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]*, 4, 90-98 (in Russian).
19. Krapivkina, O.A. (2017). Opyt analiza diskursivnykh praktik kak form social'nogo vzaimodejstviya (na materiale sudebnykh Teleshou) [Analysis of discourses as forms of social interaction: a case study of court shows]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 46, 21-30 (in Russian). doi:10.17223/19986645/46/2
20. Kurzon, D. (2006). Law and Language: Overview. In *Encyclopedia of Language & Linguistics* (pp. 728-731). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/04718-0>
21. Kuznetsova, E.A. (2005). *Oratorskaya maska v sudebnoj zashchitel'noj rechi: na materiale vystupenij F. N. Plevako [Oratorical mask in a judicial defense speech: based on the speeches of F. N. Plevako]* [Candidate's thesis]. Barnaul, Russia (in Russian).
22. Kyrkunova, L.G. (2010). Sudebnaya rech': metodika raboty nad kompoziciej [Judicial speech: methods of working on composition]. *Yurilingvistika [Legal Linguistics]*, 10(10), 266-271 (in Russian).
23. Malyshkin, K.Yu., & Nikitina, L.B. (2014). Leksiko-grammaticheskie markery kategorichnosti vyskazyvaniya [Lexical and grammatical markers of categorical statements]. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 5(132), 108-110 (in Russian).
24. Melnik, V.V. (2001). Oratorskoe iskusstvo kak sredstvo postroeniya ubeditel'noj sudebnoj rechi v sostyazatel'nom ugolovnom processe [Public speaking skills as a means of constructing a convincing judicial speech in adversarial criminal proceedings]. *Rossiiskoe pravo [Russian law]*, 9, 139-144 (in Russian).
25. Palashevskaya, I.V. (2011). Sostyazatel'nyi i persuazivnyi aspekty sudogovoreniya [Court rhetoric in agonal and persuasive perspectives]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 137-141 (in Russian).

26. Panchenko, N.N., & Volkova, Ya.A. (2021). Categoricalness in scientific discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 14(4), 535–543. <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0740>
27. Rosulek, F.L. (2015). *Dueling discourses: The construction of reality in closing arguments*. New York: Oxford University Press.
28. Shatin, Yu.V., & Silantev, I.V. (2020). Rossijskij sudebnyj diskurs v svete teorii argumentacii [Russian judicial discourse in the light of the theory of argumentation]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2, 401-412 (in Russian). doi:10.25205/2307-1737-2020-2-401-412
29. Takimoto, M. (2015). A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 5(1), 95–105. <http://dx.doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
30. Tracy, K., & Hodge, D. (2018). Judge Discourse Moves that Enact and Endanger Procedural Justice. *Discourse and Society*, 29(1), 63–85. <https://doi.org/10.1177/0957926517726112>
31. Viktorova, E.Yu. (2023). Khedzhi vs bustery: kommunikativnoe smyagchenie i usilenie v zhanre ofitsial'nogo otzyva na dissertatsiyu [Hedges vs boosters: Communicative mitigation and enhancement in the genre of dissertation review]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 18(2), 126–131 (in Russian). doi: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
32. Volkova, Ya.A., Panchenko, N.N., & Prigarina, N.K. (2023). Diskommunikatsiya: mezhkul'turnyi, diskursivnyi i lingvoekologicheskii aspekty [Discommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22(1), 138-150 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>
33. Yang, M., & Wang, M. (2021). A science mapping of studies on courtroom discourse with CiteSpace. *International Journal of Legal Discourse*, 6(2), 291-322. <https://doi.org/10.1515/ijld-2021-2057>
34. Zou, H., & Hyland, K. (2019). Reworking research: Interactions in academic articles and blogs. *Discourse Studies*, 21(6), 713-733.

Информация об авторе:

Богинская Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Иркутского национального исследовательского технического университета. ORCID ID: 0000-0002-9738-8122.

Получено: 6 ноября 2023 г.

Принято к публикации: 20 декабря 2023 г.

METADISCURSIVE BOOSTING IN RUSSIAN COURTROOM DISCOURSE: ENHANCING PERSUASIVENESS IN DEFENSE SPEECHES

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

olga_boginskaya@mail.ru

Abstract: Recent studies are revealing new aspects of courtroom discourse, examining its generation and applying novel analytical methods. Yet, despite their significance and complexity, the use of metadiscursive tools remains scarce. These tools offer substantial promise for analyzing discursive practices, increasingly seen as not just informative but also interactive and impactful. The inherently interactive and persuasive nature of courtroom discourse underscores the need for metadiscourse as a potent analytical instrument. Such an instrument encompasses mechanisms for expressing attitudes toward the propositional content and for drawing the recipient into a dialogue with the speaker. This article addresses the metadiscursive dimension of defense speeches as a distinct genre within courtroom discourse. The study uses quantitative analysis on a corpus of Russian-language courtroom texts, innovatively applying metadiscursive analysis to identify linguistic elements that enhance the persuasiveness of defense speeches, with a focus on the technique of boosting. Throughout the study, five types of boosters were identified – markers of certainty, evidentiality, intensity, solidarity, and superiority – each serving one of five pragmatic functions: to show the speaker’s confidence in the truth of their assertions, to point to the credibility and reliability of the source, to amplify the emotional impact of the statement, to denote the upper bounds of a continuum, and to reference commonly known facts or shared experiences of events or situations. The study reveals that boosting at the lexical level is predominantly achieved through the use of evidential verbs and nouns, adverbs of measure, degree, and time, as well as superlative adjectives. Additionally, the frequent use of first-person plural pronouns was observed. The findings suggest that adept use of boosters in courtroom discourse is indicative of a lawyer’s pragmatic competence and is crucial for effective communication with the court and the jury.

Keywords: courtroom discourse, the defense closing argument, booster, persuasiveness, metadiscourse.

How to cite this article: Boginskaya, O.A. (2024). Metadiscursive Boosting in Russian Courtroom Discourse: Enhancing Persuasiveness in Defense Speeches. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 26–43 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43>

About the authors

Olga A. Boginskaya, Dr. Sci. (Philology), is a Professor in the Department of Foreign Languages at Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia). ORCID ID: 0000-0002-9738-8122.

Received: November 6, 2023.

Accepted: December 20, 2023.